

К ТЕМЕ: С.Н. ВАЛК И МАРКСИЗМ.
(ЗАМЕТКИ С.Н. ВАЛКА НА ПОЛЯХ КНИГИ АДАМА ШАФФА
«МАРКСИЗМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ»)

2020 г. Б.С. Каганович

*Д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института истории РАН*

amabor@mail.ru

Статья посвящена контактам выдающегося советского историка С. Н. Валка с польской наукой и культурой. В этой связи рассматриваются важные аспекты исторического мировоззрения С. Н. Валка, в частности его отношение к различным направлениям в марксизме. Подробно анализируются ремарки С. Н. Валка на полях книги известного польского философа Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность».

The article is devoted to the contacts between the outstanding Soviet historian Sigismund N. Valk and Polish culture and academia. The paper focuses on important aspects of Valk's historical vision, his attitude to different trends of Marxism in particular. Special attention is paid to the analysis of Valk's notes in the margins of the book of the renown Polish philosopher Adam Schaff «Marxism and the Human Individual».

Ключевые слова: С. Н. Валк, Польша, марксизм, А. Шафф, Петербургская историческая школа.

Keywords: Sigismund N. Valk, Poland, Marxism, Adam Schaff, St. Petersburg historical school.

DOI: 10.31857/S0869544X0011091-3

Крупнейший советский историк-источниковед Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) известен более всего как исключительный знаток — прежде всего в источниковедческом плане — едва ли не всех периодов истории России — и это, несомненно, правильно (см., в частности [1–6]). Но у него было и свое видение истории, во всяком случае, многих ее проблем, — и оно в значительной степени осталось невысказанным, очень часто его приходится «вычитывать» из различных его попутных замечаний и нюансов в формулировках. Как правило, С. Н. Валк замыкался в своем амплуа источниковеда и историографа. Конечно, это был его сознательный выбор, соответствовавший его натуре и пониманию задач историка, но думается, что здесь сыграли роль и те условия, в которых протекала научная деятельность Валка. Как нам представляется, он был человеком очень сдержанным и скорее закрытым. Действовала

и привычная осторожность, выработанная за годы советской власти. Покойный академик Б. В. Ананьич называл историческое мировоззрение и работы С. Н. Валка «изысканными», но добавлял: «Сигизмунд Натанович ужасно всего боялся. До конца жизни боялся. Он перед смертью уничтожил часть своего архива. Сжег многие письма. Он прекрасно все знал, но мало писал. Все что он писал, было изысканно» [7].

Жизнь Валка по сравнению с большинством историков его поколения сложилась благополучно. Он дожил почти до 90 лет, не арестовывался и не преследовался, до конца жизни был сотрудником Академии Наук и профессором Ленинградского университета (хотя имел, конечно, немало различных неприятностей и тяжелых переживаний). Но, будучи историком высочайшей квалификации, — он мог с равной компетентностью профессионально заниматься «Русской Правдой», средневековыми новгородскими актами, русскими историками XVIII в., деятельностью Сперанского, народовольческим движением, эпохой Александра III, теорией источниковедения и документами советского периода — Валк так и не написал своей настоящей большой книги. Единственная его книга, вышедшая при жизни, «Советская археография» 1948 г., ценнейшее руководство по изданию исторических документов, в значительной степени носит обзорно-библиографический характер.

Нелегко понять, каковы в действительности были политические и философско-социологические взгляды С. Н. Валка (а они у него, несомненно, были, как у всякого крупного историка). Официально он был советским ученым и марксистом, но мы знаем, что за этим могли стоять самые разные позиции. Несомненно, что Валк изначально по своим взглядам был более «левым», чем многие его товарищи по университету. Он не сочувствовал политическому строю царской России и в молодости был причастен к протестному движению: был исключен из предпоследнего класса гимназии и просидел два месяца в тюрьме ввиду «явного сочувствия к деятельности Польской социалистической партии», как писал полицейский чиновник [8. Л. 35], позднее, в 1911 г., за участие в студенческих волнениях на год исключался из университета. Но он всю жизнь оставался беспартийным — и до и после революции¹. Не только как ученый, но и как личность С. Н. Валк в огромной мере сформировался в петербургской академической среде, и его отличала большая терпимость: научные работы он оценивал исключительно с точки зрения их научной ценности, вне зависимости от политических взглядов их авторов. Он, например, очень высоко ценил таких весьма консервативных историков, как С. Ф. Платонов и Н. П. Лихачев, с которыми у него едва ли могли быть сколько-нибудь близкие личные отношения. Ближайшие учителя Валка, портреты которых висели в его кабинете, были кадетами (А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков) или либеральными народниками (В. И. Семевский). Трудно сказать, в какой мере Валк в последующие годы сохранил левые настроения своей молодости. Во всяком случае он определенно не был ни большевиком, ни тем более сталинистом. Весьма вероятно, что С. Н. Валк придерживался более или менее социал-демократических взглядов.

Следует также помнить, что С. Н. Валк смолodu был не чужд философских и методологических интересов, отчасти, по крайней мере, привитых ему в школе А. С. Лаппо-Данилевского (и очень далеких от проблематики

¹ В советских анкетах на стандартный вопрос о партийности Валк отвечал: «Б/п. В других партиях не состоял» (см., например, личное дело С. Н. Валка в ЛОИИ).

«диамата»), о которых он вспоминал в одной из своих первых публикаций, посвященных учителю: «Вы прекрасно знаете, что для А.С. всякое суждение было связано с проблемой его оснований» [9. С. 160]. В числе университетских профессоров Валка были Н. О. Лосский и А. И. Введенский, а в его библиотеке было довольно много книг по философии и психологии первых десятилетий XX в. на немецком языке.

Покойная ученица С. Н. Валка Н. Г. Сими́на, опекавшая его после смерти жены, вспоминала на одном из мемориальных заседаний: «Вечерами он мне много рассказывал. О Ленине не говорил, но рассказывал свои впечатления о Троцком и многих других. Например, о своих разговорах с Каменевым, о котором отзывался с большим уважением (был знаком с ним как с директором Института Ленина в 20-е годы), о многих ученых. Он, несомненно, много думал о смерти и последние месяцы пересматривал свой архив и жег письма. Мой сын ночевал у него в библиотеке и каждый день выносил ведро с пеплом. Попытки уговорить его сохранить бумаги с тем, что они никому не будут показаны, не возымели действия»².

Сама за себя говорит и запись в дневнике польского историка Витольда Кули, сделанная 11 ноября 1955 г. во время посещения Ленинграда: «Разговор с проф. Валком о польских материалах в ленинградских архивах. Не хочет говорить, уклоняется» [10. S. 30]³.

С. Н. Валку принадлежит много работ по истории революционного движения в России XIX в. В 1920-х годах он был сотрудником существовавшего тогда в системе Центрархива петроградского Историко-революционного архива, где в его ведении находились, в частности, документы Департамента полиции. Можно не сомневаться, что Валк прекрасно знал во всех деталях историю русского революционного движения⁴, в том числе и те ее страницы, которые замалчивались или искажались официальной советской историографией⁵. В работах на эту тему он старался избегать общих суждений и оценок, но не всегда это ему удавалось.

В 1924–1929 гг., при подготовке первого посмертного собрания сочинений Ленина, С. Н. Валк был консультантом Института Ленина по вопросам археографии, читал лекции по археографии для его сотрудников и составил «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Позднее это постоянно подчеркивалось как доказательство советской «правильности» Валка. Мы, однако, не стали бы преувеличивать значение данного факта, хотя он, конечно, указывает, что Валк не был *persona non grata* для этого учреждения. Роль Валка была чисто техническая: он содействовал поддержанию определенной археографической культуры, но не он решал, какие тексты Ленина включать или не включать в издание, и не он их комментировал. Для Валка это участие было своего

² Выступление на заседании памяти С. Н. Валка в Петербургском Институте истории РАН 13 декабря 2012 г. (записано автором данной статьи).

³ В библиотеке Валка была вышедшая через несколько лет после этого разговора замечательная книга В. Кули «Размышления об истории» [11].

⁴ Американский историк Л. Хеймсон, выступая в мае 1999 г. в Петербурге на заседании памяти В. С. Дякина, вспоминал, что перед его первой поездкой в СССР в 1960 г. меньшевик-эмигрант и выдающийся историк Б. И. Николаевский посоветовал ему обязательно встретиться с С. Н. Валком. «Когда старик услышал, что я от Николаевского, он прямо подпрыгнул, на его лице выразилась какая-то смесь любопытства и испуга».

⁵ Б. В. Ананьич говорил автору настоящей статьи, что идею его и Р. Ш. Ганелина нашумевших работ о Драгоманове и «Священной дружине» им подал С. Н. Валк.

рода охранной грамотой, а работе партийного Института придавало известную академическую респектабельность. Валк и позднее участвовал в некоторых изданиях ИМЭЛ: подготовил к печати первый том «Декретов Октябрьской революции» (1933) и был членом редколлегии издания «Декреты Советской власти» (начиная с 1957 г.). Е. Н. Кушева полагала, что в свое время «скорее всего от ареста его оградила работа над “Декретами Советской власти”» [12. С. 154]. Очевидно, что такая работа не могла не быть связана с рядом компромиссов со стороны Валка.

Очень интересно относящееся к концу жизни Валка свидетельство историка Г. М. Дейча, считавшего себя его учеником: «Он, например, яростно выступал против моих занятий эпистолярным наследием Ленина, говоря, что поскольку мне как беспартийному человеку никогда не будут доступны архивные документы Ц[ентрального] П[артийного] А[рхива], то и не нужно и даже вредно этим заниматься [...] Желая отвлечь меня от ленинской тематики, Валк часто предлагал мне разные темы и поручения, но я упорно гнул свою линию, и это его сильно сердило. Мы расходились с Валком и в вопросах идейных. Он, например, с горечью утверждал, что пятьдесят с лишним лет советской власти показывают, насколько далеко разошлись теория и практика марксизма-ленинизма, что теория себя не оправдала» [13. С. 63–64]; (ср. [13. С. 159–160]). Г. М. Дейч был человеком совсем иной культуры, чем Валк, и, вероятно, передал сказанное им «своими словами», кое-что упростив, но едва ли он полностью исказил основной смысл услышанного.

«Он следил за событиями в мире, покупал газеты на разных языках, которые у нас продавались, коммунистические, конечно, но какая-то информация в них содержалась», — вспоминала Н. Г. Сими́на. Газеты были на немецком, французском, английском, итальянском и польском языках.

В известной степени ключом к пониманию внутреннего мира человека является его библиотека. Личная библиотека С. Н. Валка в основном хранится ныне в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН (в прошлом Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ)). Значительную ее часть составляют книги на польском языке (около 300). Тема «Валк и Польша» заслуживает специального изучения, опытом которого в определенном аспекте и является настоящая статья.

Как известно, Сигизмунд Натанович Валк родился в еврейской семье в Вильно, где его отец был владельцем аптеки. Вскоре семья переехала в Лодзь, здесь будущий историк учился в русской гимназии, из которой в 1906 г. был исключен (см. выше). Гимназию он окончил в 1907 г. в г. Новая Александрия Люблинской губернии (ныне город Пулавы в Польше)⁶. Судя по всему, польский язык С. Н. Валк знал не хуже русского. Интерес к польской истории, культуре и литературе он сохранил до конца жизни⁷. В 1950-е годы Валк несколько раз выступал оппонентом на защитах диссертаций по истории Польши в Ленинградском университете, но интенсивных живых контактов с польскими учеными у него, по-видимому, не было⁸.

⁶ В 1911 г. семья вернулась в Вильно, где отец вскоре умер, а мать и три сестры, с которыми С. Н. Валк поддерживал переписку, жили там до Второй мировой войны. Все они погибли во время фашистской оккупации.

⁷ В библиотеке С. Н. Валка были книги Ю. Тувима, Я. Ивашкевича, Е. Анджеевского и других польских писателей XX в., а также классиков польской литературы Мицкевича, Словацкого и др.

⁸ В относящемся к последним годам жизни недатированном письме к В. Р. Лейкиной-Свирской С. Н. Валк замечал: «Много десятилетий не получал писем на польском языке» [14. Л. 1].

В польском отделе библиотеки С. Н. Валка⁹ наряду с довольно многочисленными работами по истории Польши, преимущественно XIX–XX вв., историографии, мемуарами, художественной литературой, книгами по музыке¹⁰, было несколько книг философов неомарксистского (как тогда говорили) направления, например сборник «Философия и социология XX века» [15] со статьями Л. Колаковского, Б. Бачко, З. Баумана, Е. Шацкого и др., «13 историй из королевства Лайлонии для больших и маленьких» Л. Колаковского [16], три книги Роже Гароди в польском переводе: «Путь Арагона» [17], «Некоторые актуальные проблемы культуры» [18] и «Реализм без берегов» [19].

Из них особого внимания заслуживает в интересующем нас плане книга Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность», в которой содержатся многочисленные пометы С. Н. Валка¹¹. Прежде чем перейти к их рассмотрению, я хотел бы привести некоторые данные об авторе этой книги и о резонансе, который она вызвала.

Польский философ-марксист Адам Шафф (1913–2006) родился в Львове в семье адвоката, окончил юридический факультет Львовского университета и Школу политических и экономических наук в Париже. С начала 1930-х годов он был членом коммунистической партии Польши, годы войны провел в Советском Союзе, где защитил докторскую диссертацию в Институте философии АН СССР. По возвращении в Польшу стал профессором Лодзинского университета, в 1948 г. перешел в Варшавский. На протяжении почти четверти века Шафф был «главным» коммунистическим философом Польши, с 1954 г. кандидатом в ЦК, в 1957–1968 гг. членом ЦК ПОРП. Автор большого числа книг¹², Шафф в первое послевоенное десятилетие насаждал в Польше марксизм-ленинизм советского типа, хотя, будучи человеком образованным и умным, он проводил этот курс гораздо мягче, чем это имело место в СССР (так, ряд отстраненных от преподавания немарксистских философов были переведены на кафедры логики как «неидеологической дисциплины», другим было поручено переводить классиков мировой философии и т.п.). После 1956 г. Шафф выступал за диалог марксизма с другими направлениями современной философской мысли и усвоение того ценного, что в них содержится. Прежде всего имелись в виду неопозитивизм, аналитическая философия, семантика, с начала 1960-х годов к ним прибавилась «философия человека», представленная главным образом экзистенциализмом. В 1956 г. Шафф стал основателем и директором Института философии и социологии Польской Академии наук, в котором в достаточно свободной обстановке работало много выдающихся ученых.

Переломным моментом в деятельности Шаффа стала его рассматриваемая книга «Марксизм и человеческая личность» [25], вызвавшая резкое недовольство партийного руководства. Через три года, в ходе антиревизионистской и антисемитской кампании 1968 г. Шафф лишился всех руководящих постов и был исключен из ЦК. Опала его не была, однако, полной: он остался членом

⁹ Следует иметь в виду, что не все принадлежавшие ему книги поступили в Институт.

¹⁰ Судя по штампам с обозначением цены, книги эти по большей части были приобретены в магазинах.

¹¹ В библиотеке Валка была еще одна, более ранняя, книга А. Шаффа «Философия человека» [20], посвященная взаимоотношениям марксизма и экзистенциализма. Первое издание ее так и называлось: «Марксизм и экзистенциализм» [21]. Никаких помет Валка она не содержит.

¹² На русский язык переведены три книги Шаффа, из которых первые две носят вполне ортодоксальный характер. См. [22–24].

партии и Академии Наук. В 1970-е годы Шафф, оставаясь польским гражданином, являлся директором Европейского центра общественных наук в Вене, книги его выходили на многих языках, он стал почетным доктором Сорбонны и других западных университетов. В начале 1980-х годов Шафф, весьма критически оценивая «реальный социализм», одобрил введение военного положения в Польше, считая это единственным возможным выходом в создавшейся ситуации, спасшим страну от советской интервенции, и надеясь, что Ярузельский поведет Польшу по пути кадаровской Венгрии. Эти заявления были отрицательно оценены оппозиционной интеллигенцией. Тем не менее в 1984 г. Шафф был исключен из партии как «ревизионист» (был восстановлен в ней в 1989 г., перед самым концом существования «Народной Польши»). До конца жизни А. Шафф выступал как марксист и «демократический социалист», выпустив, в частности, несколько книг мемуарного характера, оставляющих неоднозначное впечатление.

В книге Шаффа «Марксизм и человеческая личность» можно выделить несколько пластов: марксологический, философский и публицистический. Основной марксологический тезис Шаффа заключался в отрицании противоречия между молодым Марксом, философом и гуманистом, и зрелым Марксом, экономистом и идеологом рабочего движения. Ключ к пониманию экономической теории Маркса лежит в его антропологии — утверждал Шафф: зрелый Маркс раскрыл, углубил и конкретизировал философию, в основе которой лежит понятие отчуждения. Марксизм есть гуманизм, радикальный гуманизм, — заключал он. Шафф пытался сформулировать основания марксистской философской антропологии, причем понятие «отчуждение» он трактовал очень широко — как «господство созданного человеком над самим человеком». По мнению Шаффа, отчуждение не исчезает с ликвидацией частной собственности на средства производства, различные его формы существуют в странах социалистического лагеря. В этой связи он постулирует необходимость демократических реформ в этих странах, постепенной отмены ограничений свободы личности, науки и культуры, борьбы с привилегиями аппарата, национализмом и т.д. (отдельные положения книги Шаффа станут более ясны из дальнейшего изложения при рассмотрении помет С. Н. Валка).

Книга А. Шаффа родилась в атмосфере послесталинского «обновления марксизма», столь характерного в 1960-е годы как для западного, так и для социалистического мира накануне «Пражской весны». Очевидно, в частности, что многие тезисы Шаффа перекликались с тогдашними выступлениями французского коммунистического деятеля Роже Гароди¹³. Можно сказать, что книга Шаффа была своего рода манифестом того, что позднее стали называть еврокоммунизмом¹⁴. Она стала самой известной его книгой, широко читалась в мире и была переведена более чем на десять языков.

В Польше эту книгу приветствовал ряд философов и социологов, но она была отрицательно оценена партийными идеологами. В СССР в то время книга была практически обойдена молчанием. Согласно позднейшим

¹³ Разумеется, я не имею здесь в виду экстравагантные метаморфозы Гароди после исключения его из партии в 1970 г., когда теоретик марксистского гуманизма обратился в католицизм, затем перешел в ислам и завершил свой путь скандальными сочинениями, в которых доказывал, что нацистское уничтожение евреев выдуманно сионистами.

¹⁴ Позднее, в 1980-е годы, Шафф выступал как декларированный «еврокоммунист», выпустив на Западе две книги в соавторстве с бывшим генеральным секретарем коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо.

воспоминаниям А. Шаффа, один из тогдашних либералов в советском общественно-научном истеблишменте А. М. Румянцев прилагал усилия, чтобы издать ее на русском языке. Но этого не произошло, — по крайней мере, в открытой печати она не появлялась¹⁵. Написанная тогда статья Э. В. Ильенкова [27. С. 170—199] была издана посмертно через четверть века¹⁶. В 1980-е годы деятельность А. Шаффа стала предметом ожесточенных нападок в советской печати¹⁷.

С. Н. Валк, очень внимательно, с карандашом в руках прочитал книгу А. Шаффа¹⁸. Его карандашные пометки — подчеркивания и ремарки на полях, на русском и польском языках содержатся на 125 страницах, т.е. практически на каждой третьей странице книги. Пометки Валка очень лаконичны и, как правило, не носят оценочного характера. Книгу эту Валк, очевидно, читал для себя. Едва ли он имел в виду как-то использовать ее в своих работах. Внимательный просмотр этих пометок позволяет сделать некоторые небезынтересные, на мой взгляд, наблюдения и выводы.

Очень много подчеркиваний и маргиналий содержит обширная вступительная часть книги «Новое открытие старых содержаний марксизма» (с. 5—69), носящая в значительной мере историографический характер (обзор судеб литературного наследия молодого Маркса). Пометки Валка имеются почти на каждой странице этого раздела.

Валком подчеркнуты, в частности, слова Шаффа о том, что «мы живем в период нового открытия Маркса» (с. 5), что большую роль в этом сыграло «открытие молодого Маркса», связанное с публикацией в 1920—1930-х годах ряда его до того неизвестных работ (с. 7) и что «как Каутский, так и Роза Люксембург, Плеханов, Грамши и Ленин располагали неполным знанием о марксизме» (с. 8). «Единственным похвальным исключением в этом отношении — это следует тем более подчеркнуть, что в прошлом это ему немало стоило — был Георг Лукач, который, независимо от всех претензий, которые можно иметь с точки зрения марксизма к его „Geschichte und Klassenbewusstsein“, вероятно единственный самостоятельно пришел к взглядам, созвучным опубликованным позднее текстам молодого Маркса — особенно в вопросах о роли отчуждения и реификации», — писал Шафф (с. 8). Эта фраза также подчеркнута Валком. Также на следующей странице подчеркнуто в данной связи имя

¹⁵ Возможно, что она была переведена и издана «в порядке информации» для избранных читателей, как это тогда практиковалось. Данными на этот счет мы не располагаем, но можем указать издание «для служебного пользования» [26].

¹⁶ Ильенков, которого едва ли можно заподозрить в каких-либо конъюнктурных мотивах, критиковал книгу Шаффа как с философской точки зрения, не соглашаясь с его трактовкой понятия отчуждения и роли Гегеля, так и с точки зрения «теории коммунизма» (за отказ от тезиса об отрицании государства, сведение борьбы с бюрократией к ее совершенствованию и т.д.).

¹⁷ См. особенно [28. С. 20—35]. Эта статья завершалась словами: «Ренегатские, ревизионистские писания А. Шаффа прямо и непосредственно служат черному делу антикоммунизма и антисоветизма». Очевидно, многоопытный автор не предвидел начавшейся через несколько месяцев «перестройки».

¹⁸ В нашем распоряжении был экземпляр этой книги [25] из личной библиотеки С. Н. Валка (Библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН (шифр VI СВ/413). Книга, судя по обозначению цены (1 руб. 01 коп.), была куплена в магазине, скорее всего в магазине книг стран народной демократии на Невском проспекте. В книгу вложены две вырезки из газет: 1) из польской газеты «Trybuna Ludu» от 11.XII. 1965, где в обзоре «Среди журналов» была помещена информация об обсуждении этой книги в редакции теоретического журнала польской партии «Nowe Drogi»; 2) большая положительная рецензия в итальянском коммунистическом еженедельнике «Rinascita» под названием «Марксизм и личность (Дискуссия в Польше о последней книге Адама Шаффа)» [29]. Далее при рассмотрении помет С. Н. Валка страницы этой книги указываются в тексте в круглых скобках.

Грамши (s. 9) с замечанием Шаффа, что последний много почерпнул из немарксистских источников, прежде всего у Бенедетто Кроче.

Против слов Шаффа «Слабый отклик на тексты молодого Маркса в первые годы после их публикации объясняется рядом причин» на полях стоит: «Серебряков не знает?» (s. 9). Имеется в виду ленинградский профессор М. В. Серебряков (1879—1959), перу которого принадлежали, в частности, книги «Поэт Гервег и Маркс» и «Фридрих Энгельс в молодости». Далее Валк греческими буквами α , β , γ , δ обозначил на полях эти перечисленные Шаффом причины, выделив, в частности, влияние «заморозившего развитие марксизма сталинского периода» (s. 10). Шафф считает особенно характерным то, что «редакторы нового, самого полного до сих русского издания сочинений Маркса и Энгельса, предпринятого уже после смерти Сталина, исключили сочинения молодого Маркса, выпустив их отдельным сборником, вне собрания сочинений» (s. 9)¹⁹. Эти слова подчеркнуты Валком с пометкой на полях «Новое издание ИМЭЛ!». Отсутствие данных работ в собрании сочинений означало невключение их в канон «священного писания»²⁰.

Валком подчеркнуты и вынесены на поля фамилии авторов, писавших о «проблеме человека»: коммунист Роже Гароди (s.17), Мартин Бубер (s. 17), Генрик де Ман (s. 25—26), Эрих Фромм (s. 56) и др. Им подчеркнута фраза Шаффа: «Чтение марксологических работ убедило меня, впрочем, в том, что интересные и верные мысли о марксизме встречаются в работах людей, критически настроенных в отношении марксизма и даже далеких от него» (s. 27). На полях помечено Schaff.

Подчеркнуты и замечания Шаффа по поводу неоправданного, по его мнению, противопоставления молодого и зрелого Маркса, в том числе о советских работах на эту тему (s. 28—36). Подчеркнута фраза Шаффа: «Проблема не ограничивается оценкой молодого Маркса, это проблема Маркса в целом, проблема видения марксизма и его содержания» (s. 51).

Подчеркнута фраза: «Для Маркса экономическая наука, хотя он и посвятил ей свою жизнь, не является самоцелью. Маркс был и остался философом и социологом, для которого проблема человека является центральной» (s. 40).

Довольно много подчеркиваний и знаков NB стоит на разных страницах против терминов «философия человека», «философская антропология», «отчуждение» (alienasja), «реальный гуманизм» и т.п.

Значительное число пометок и ремарок С. Н. Валка содержится и в следующих разделах книги. Так, в главе 1-й «Марксистская концепция человеческой личности» подчеркнуты в числе прочих фразы автора: «Всякий социализм является своего рода теорией счастья» (s. 71), «Отправной точкой для Маркса — от начала его теоретической мышления — также являются живые человеческие личности» (s. 72) и замечания по поводу недоразумений вокруг трактовки человеческой личности у Лукача (s. 75—76).

В главе 2-й «Личность и созданное ею (Проблема отчуждения)» Шафф подробно анализирует эту проблему, столь популярную в марксизме в 1960-х годах. «Отчуждение — это господство созданного человеком над

¹⁹ Имелось в виду издание [30].

²⁰ Очень остро ситуацию определил один из сотрудников Института Маркса-Энгельса-Ленина, спросивший на редакционном совещании: «Как быть с немарксистскими статьями Маркса?». См. [31. С. 342].

человеком», — формулирует он (s. 153), говоря об отчуждении экономическом, социальном, политическом, национальном, идеологическом, религиозном и т.д. Особое внимание Валка привлёк щекотливый вопрос об отчуждении при социализме. Против слов «проблема отчуждения при социализме» (s. 152) поставлен знак NB. Подчеркнуты слова: «Для Маркса было несомненно, что поскольку экономическое отчуждение лежит в основе всех других форм отчуждения, обуславливая их, то ликвидация экономического отчуждения через ликвидацию частной собственности на средства производства автоматически означает конец всякого отчуждения. Действительно ли это так? Действительно ли при социализме отчуждение невозможно, т.е. может ли оно иметь иной источник, чем частная собственность?» (s. 152–153). На полях стоит Sch[aff]. Подчеркнуты и отмечены знаком NB слова: «Перед лицом опыта, неизвестного Марксу, мы должны снова поставить эту проблему» (s. 153), «Отчуждение при социализме порождает прежде всего существование государства и связанной с этим государственной бюрократии» (s. 182). Шафф не верит в возможность отмирания государства: оно должно отмереть в перспективе как орган принуждения, но не как форма организации и управления, следовательно, остается и административный аппарат (бюрократия) со всеми связанными с ней опасностями (s. 182–186). «Государство как административный аппарат не отомрет, это фантазия (mrzonka)» (s. 185), «Борьбу с бюрократией следует понимать как борьбу с плохой, неэффективной, некомпетентной, преувеличенно раздутой и т.д. бюрократией, а не как борьбу с аппаратом управления, т.е. с бюрократией “вообще”», — заявляет Шафф (s. 185).

В 3-й главе книги «Личность и история (проблема свободы)» Валк подчеркивает открывающую ее знаменитую цитату из «Святого семейства»: «История не делает ничего, она “не обладает никаким необъятным богатством”, она “не сражается ни в каких битвах”! Не “история”, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. “История” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (s. 196)²¹. Подчеркнуты и комментирующие ее слова Шаффа: «Маркс — апологет роли личности в истории, Маркс, говорящий об “истории” как гипостазе, Маркс, отождествляющий историю с сознательной деятельностью людей, — не подходит к стереотипу» (s. 196). Отвергая «персоналистскую и экзистенциалистскую метафизику» автономии человеческой личности, марксизм, по словам Шаффа, признает ее ценность и права (s. 203).

4-я глава книги Шаффа, «Марксистский гуманизм», не содержит каких-либо пометок и маргиналий Валка. Зато их немало в 5-й, последней главе «Коммунизм и человеческая личность», которая по существу содержит программу «хорошей коммунистической политики». Валком подчеркнута, в частности, фраза Шаффа: «Коммунизм=гуманизм на практике» (s. 255). Подчеркнут и прямо, наконец, сформулированный Шаффом вывод: «Ликвидация института частной собственности на средства производства не означает автоматической ликвидации различных форм отчуждения» (s. 274). Это относится даже к экономическому отчуждению, но особенно к политическому и идеологическому. Прежде всего это связано с существованием государства, о чем уже говорилось выше. Необходима поэтому борьба за расширение демократии в социалистических

²¹ Перевод цитаты по изданию [32. С. 102].

странах. Шафф считает теоретически несостоятельным тезис западных авторов о «новом классе», господствующем при социализме, но замечает, что «в социалистических обществах формируется элита власти, которая естественным образом оказывается в привилегированном социальном положении» и необходимо следить, чтобы эти привилегии не переходили определенных границ (s. 288). Слова эти подчеркнуты Валком, как и замечание о том, что в сталинское время лозунг «борьбы с уравниловкой» был использован «для создания прослойки, абсолютно послушной вождю и связанной с ним и узами очень земных, но в определенных обстоятельствах особенно ценных привилегий» (s. 290).

Внимание Валка привлекли также соображения Шаффа о недооценке марксистами прошлого национального вопроса, и что это относится не только к Розе Люксембург, «которая, несомненно, была одним из крупнейших в истории теоретиков марксизма» (на полях Валк отметил: R. Luksemburg)²², но и к Ленину (s. 305). «Наш мир иной и национальный вопрос играет в нем огромную роль, чего совершенно не предвидели классики», — эти слова также подчеркнуты Валком с пометкой на полях «Маркс и будущая действительность» (s. 305). Подчеркнута им и выразительная фраза: «Если бы в то время кто-нибудь сказал, что в социалистическом сообществе — и не только в начальной фазе его развития — могут иметь место напряжения националистического и даже расистского характера, то этого человека определенно сочли бы невеждой или безумцем. Но жизнь показала, что это возможно, еще раз доказав, что действительность богаче всех теорий» (s. 306).

Любопытно, что некоторые острые публицистические пассажи А. Шаффа, например слова о том, что «с точки зрения развития науки и культуры всякое вмешательство, ограничивающее свободу научного и художественного творчества, вредно, хотя с социальной точки зрения оно может быть оправданно и даже необходимо» (s. 222), или констатация существования антисемитизма в «Народной Польше» и отсутствия эффективной борьбы с ним (s. 312) — что вызвало особое недовольство польского партийного руководства — остались неподчеркнутыми Валком, хотя едва ли они прошли мимо его внимания.

*

Мы можем таким образом констатировать несомненный интерес С. Н. Валка к «неомарксистской» литературе» в 1960-х годах. Трудно сказать, в какой мере его привлекала шаффовская интерпретация марксизма по существу и в какой она была ему интересна как симптом возможной эволюции идеологии в социалистических странах (учитывая тогдашнее положение А. Шаффа). Вероятно, имело место и то и другое.

А может быть, читая эту книгу, С. Н. Валк чувствовал приблизительно то же, о чем писал вскоре после ее выхода его сверстник, выдающийся польский философ-неопозитивист Тадеуш Котарбинский, старый либерал и демократ: «Вспоминаются давние времена, когда — лет 60 тому назад — прогрессивная молодежь в Варшаве дискутировала о сущности марксизма. Тогда читали “Эрфуртскую программу”, Бернштейна и т.д., потрясали основы под эгидой Кшивицко-го»²³. Сегодня тематика повторяется, но перед лицом новых материалов, связанных

²² В библиотеке Валка было 1-е издание книги Р. Люксембург «Русская революция», содержащей резкую критику большевизма [33].

²³ Людвик Кшивицкий (1859–1941) — польский ученый-обществовед и общественный деятель, близкий к социалистической партии.

с позицией молодого Маркса и глубоко изменившейся ситуацией в мире и стране. То, что автор говорит о фундаментальном единстве основного устремления Маркса на протяжении его деятельности, я принимаю как информацию, с удовлетворением констатируя, что в среде знатоков предмета такая интерпретация считается возможной [...] Автор правильно утверждает, что абсолютная свобода слова невозможна ни в какой социальной системе, желающей сохраниться, и что, однако, всякое ее ограничение вредно и должно применяться только в случаях, требующих специального обоснования [...] Я был бы рад, если бы автор принял тезис, что исследования и работа в области гуманитарных наук и общественной мысли вообще требуют ликвидации ограничений, связанных с идеологией» [34. S. 196, 198].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Чернуха В. Г.* Жизненный путь С. Н. Валка (13 декабря 1887—5 февраля 1975) // История и истории: Историографический ежегодник. 1978. М., 1981.
2. *Пугачев В. В.* Сигизмунд Натанович Валк // Историография и источниковедение. Сб. научных трудов. М., 1979.
3. *Гинев В. Н.* С. Н. Валк и народовольцы // Историографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8.
4. *Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк — ученый и человек // Вопросы истории. 1988. № 12.
5. *Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.
6. *Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк (1887—1975) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26.
7. Запись беседы автора с Б. В. Ананьичем 16 декабря 1984 г.
8. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1. (Биографические документы С. Н. Валка).
9. *Валк С. Н.* Воспоминание ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
10. *Kula W.* Rozdzialki. Warszawa, 1996.
11. *Kula W.* Rozwazania o historii. Warszawa, 1958.
12. *Кушева Е. Н.* Воспоминания о С. Н. Валке // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989.
13. *Дейч Г. М.* Воспоминания советского историка. СПб., 2000.
14. ОР РНБ. Ф. 1160. Д. 742. (Письма С. Н. Валка к В. Р. Лейкиной-Свирской).
15. *Filozofia i socjologia XX wieku.* Warszawa, 1962.
16. *Kolakowski L.* 13 bajek z krolewstwa Lailonii dla duzych i malych. Warszawa, 1966.
17. *Garaudy R.* Droga Aragona. Warszawa, 1965.
18. *Garaudy R.* Kilka aktualnych problemow kultury. Warszawa, 1966.
19. *Garaudy R.* Realizm bez granic. Warszawa, 1967.
20. *Schaff A.* Filozofia człowieka. Wyd. 3 rosz. Warszawa, 1965.
21. *Schaff A.* Marksizm a egzystencjonalizm. Warszawa, 1961.
22. *Шаффа А.* Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953.
23. *Шаффа А.* Объективный характер законов истории. М., 1959.
24. *Шаффа А.* Введение в семантику. М., 1963.
25. *Schaff A.* Marksizm a jednostka ludzka: Przyczynek do marksistowskiej filozofii człowieka. Warszawa, 1965.
26. Марксизм и человеческая личность. Материалы дискуссии о книге Адама Шаффа. М., 1967.
27. *Ильенков Э. В.* О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (О книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид») // *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М., 1991.
28. *Ойзерман Т. И.* К критике современных псевдомарксистских концепций отчуждения // Философские науки. 1986. № 4.
29. *Codino F.* Marxismo e individuo (Dibatto in Polonia sul piu recente libro di Adam Schaff) // *Rinascita.* 1966. № 10.
30. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
31. *Тартаковский Б. Г.* Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 2.
33. *Luxemburg R.* Die Russische Revolution. Berlin, 1922.
34. *Kotarbinski T.* Glos w dyskusji o ksiazce prof. Adama Schaffa «Marksizm a jednostka ludzka» (1965) // *Kotarbinski T.* Mysli o ludziach i ludzkich sprawach. Warszawa, 1986.